

Валерий Брюсов

**Предисловие (к книге Николая
Клюева «Сосен перезвон»)**

Валерий Яковлевич Брюсов

Предисловие (к книге Николая Клюева «Сосен перезвон»)

«Прекрасны гигантские готические соборы, строившиеся целый ряд столетий, по одному, глубоко обдуманному плану. Мощные колонны восставали там, где им указал быть замысел художника, тяжелые камни, громоздясь один на другой, образовывали легкие своды, и целое поныне поражает нас своей законченностью, стройностью, соразмерностью всех своих частей...»

**Валерий Брюсов
Предисловие (к книге
Николая Клюева «Сосен
перезвон»)**

Прекрасны гигантские готические соборы, строившиеся целый ряд столетий, по одному, глубоко обдуманному плану. Мощные колонны восставали там, где им указал быть замысел художника, тяжелые камни, громоздясь один на другой, образовывали легкие своды, и целое поныне поражает нас своей законченностью, стройностью, соразмерностью всех своих частей. Но прекрасен и дикий лес, разросшийся как попало, по полянам, по склонам, по оврагам. Ничего в нем не предусмотрено, не предрешено заранее, на каждом шагу ждет неожиданность, — то причудливый пенёк, то давно повалившийся, обросший мохом ствол, то случайная луговина, но в нем есть сила и прелесть свободной жизни. Порой кажется, что было бы красивее, такие-то деревья вырубить, там-то проложить дорожку, такой-то бугор срыть; но начните это делать, и вместо леса будет английский парк, и все очарование исчезнет.

Поэзия Н. Клюева похожа на этот дикий, свободный лес, не знающий никаких «планов», никаких «правил». Стихи Клюева вырастают тоже «как попало», как вырастают

деревья в бору. Современному читателю иные стихотворения представляются похожими на искривленные стволы, другие покажутся стоящими не на месте или вовсе лишними; но попробуйте поправить эти недостатки, – и вы невольно убьете в этих стихах самую их сущность, их своеобразную, свободную красоту. Поэзию Клюева нужно принимать в ее целом, такой, какова она есть, какой создалась она в душе поэта столь же произвольно, как слагаются формы облаков под бурным ветром поднебесья.

У Клюева много стихов шероховатых, неудачных; это бесспорно, это видно с первого взгляда. Но у него нет стихов мертвых, каких так много у современных стихотворцев, ловко умеющих придавать своим созданиям внешнюю красоту, – увы! напоминающую красоту трупа. Поэзия Клюева жива внутренним огнем, горевшим в душе поэта, когда он слагал свои песни. И этот огонь, прорываясь в отдельных строках вспыхивает вдруг перед читателем светом неожиданным и ослепительным. Почти в каждом стихотворении Клюева есть строки, которые *изумляют*, и мы

охотно верим, когда поэт говорит о себе:

*В заревое пала море
Огнекрылая душа!*

Здесь не место говорить об основных устремлениях души поэта. Скажем только, что этот огонь, одушевляющий поэзию Клюева, есть огонь религиозного сознания. По его собственному признанию, он поет «верен ангела глаголу». И что в стихах другого могло бы быть лишь красивой метафорой, то у Н. Клюева нам кажется простым и точным выражением его внутреннего чувства, его исповедным признанием.